

© 1994 г.

Г. МОСКА

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС*

1. Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса (или политического класса, как уже предпочли ранее определить его). Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит и в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир организованным иначе — мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни. Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением, которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

Первый факт — достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть — заключается в том, что в каждом политическом организме есть один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. Он не всегда является человеком, обладающим законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королем или императором премьер-министр или мажордом, обладающие реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена. В других случаях вместо избранного президента будет править влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролеров.

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворенностью, недовольством управляе-

* Печатается по: Mosca G. The Ruling Class. New York. 1939.

мых масс, их чувствами, оказывает определенное влияние на политику правящего или политического класса.

Но человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять; и, полагая, что он может заставить одного или, действительно, множество индивидов — представителей правящего класса осознавать авторитет его власти, этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно, как будет показано далее, должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена.

2. С точки зрения научного исследования реальное преимущество понятия правящего или **политического класса** заключается в том, что изменчивая структура правящих классов имеет преимущественное значение в определении политического типа, а также уровня цивилизации различных народов. Согласно принятой классификации форм правления, которая все еще в моде, и Турция, и Россия еще несколько лет назад были монархиями, Англия и Италия — конституционными, или ограниченными монархиями, а Франция и Соединенные Штаты — республиками. Эта классификация основана на том, что в первых двух упомянутых странах верховенство в государстве носит наследственный характер, и глава государства номинально всемогущ; во второй группе стран пребывание во главе государства носит наследственный характер, но власть и прерогативы ограничены; в двух последних странах верховенство ограничено.

Данная классификация весьма поверхностна. Хотя и Россия, и Турция были абсолютистскими государствами, тем не менее между политическими системами правления этих стран мало общего, весьма различны и уровни их цивилизованности и организация правящих классов. На этом же основании режим в монархической Италии ближе режиму в республиканской Франции, нежели к режиму в Англии, тоже монархии; существуют также серьезные различия между политическими организациями Соединенных Штатов и Франции, хотя обе страны являются республиками.

Как уже говорилось, укоренившаяся традиция давно препятствовала и сейчас стоит на пути научного прогресса в решении данного вопроса. Упомянутая выше классификация, согласно которой формы правления делятся на абсолютные монархии, ограниченные монархии и республики, была разработана Монтескье и должна была заменить классификационные категории Аристотеля, который делил формы правления на монархии, аристократии и демократии. То, что Аристотель называл демократией, было просто-напросто аристократией для довольно большого числа членов общества. Сам Аристотель находился в положении наблюдателя, видевшего, что в каждом греческом государстве, аристократическом или демократическом, всегда был один или несколько человек, обладавших преимущественным влиянием. В исторический отрезок времени между Полибием и Монтескье многие авторы совершенствовали классификацию Аристотеля, вводя в нее понятие «смешанной» формы правления. Позднее современная демократическая теория, основоположником которой был Руссо, исходила из утверждения, что в любом государстве большинство граждан могут и действительно **должны** участвовать в его политической жизни, а доктрина народного суверенитета все еще властвует над умами многих людей, несмотря на то, что современные общественные науки все больше и больше доказывают: принципы демократии, монархии и аристократии действуют одновременно во всяком политическом организме. Мы не перестанем опровергать здесь эту демократическую теорию, поскольку именно в этом и заключается в основном задача данной работы. Кроме того, было бы нелегко на нескольких страницах разрушить целую систему идей, которая прочно укоренилась

в сознании людей. Как точно выразился Лас Касас в своем жизнеописании Христофора Колумба, переучиваться часто труднее, чем учиться.

3. Тем не менее, нам кажется более предпочтительным ответить по этому поводу на возражение, которое может быть выдвинуто против нашей точки зрения. Если легко осознать, что индивид не может руководить группой, не найдя в ней поддерживающего его меньшинства, то трудно доказывать как непреложный и очевидный факт, что меньшинство управляется большинством, а не наоборот. Но в этом и заключается один из пунктов, столь многочисленных во всех других науках, что первое впечатление о чем-либо противоположно тому, что есть на самом деле. В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу несогласных друг с другом людей, которые общаются только один на один. Между тем, для первых легче будет действовать согласованно и с взаимопониманием просто потому, что их сто, а не тысяча. Отсюда следует, что чем больше политическое сообщество, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством и тем труднее будет для большинства организовать отпор меньшинству.

Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу — выпавшей на долю правящего меньшинства организованности — оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

4. В примитивных обществах, находящихся еще на ранней стадии развития, военная доблесть — это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий или политический класс. В высокоцивилизованных обществах война — исключительное явление. А в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ее можно, по существу, считать нормальным явлением, и индивиды, проявляющие большие способности в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами, а наиболее смелые становятся вождями. Это непреложный факт, однако формы, которые он может принимать в зависимости от набора условий, весьма многообразны. Превосходство военного сословия над мирным большинством обусловлено перемещением рас и народов, связано с захватом со стороны агрессивной группы относительно мирной части общества. Иногда это действительно так: в качестве примера можно привести Индию после ее захвата ариями, Римскую империю после вторжения в нее германцев и Мексику после захвата ацтеками. Однако гораздо чаще при определенных социальных условиях возвышение воинственного правящего класса наблюдается там, где нет никаких признаков иностранного вторжения. До тех пор, пока орда живет исключительно охотой, все индивиды без труда могут стать воинами. В ней, конечно, будут свои лидеры, руководящие племенем, но невозможно обнаружить класс военных, начинающих эксплуатировать и в то же время защищать другой класс, занимающийся мирным трудом. По мере того, как племя переходит от занятия охотой к земледелию и пастушесству, наряду со значительным ростом населения и обретением большей устойчивости средств социального воздействия происходит более или менее четкое деление на два класса, один из которых занимается преимущественно сельским хозяйством, а другой — военным делом. В таком случае неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другим классом, чтобы иметь возможность довлеть над ним безнаказанно.

Польша дает характерный пример постепенной метаморфозы военного класса в

абсолютно доминирующий. Первоначально поляки имели ту же организацию сельских поселений, преобладающую среди всех славянских народов. Не существовало различий между воинами и сельскими тружениками, другими словами, между знатью и крестьянами. Но после того, как поляки заселили широкие равнины, орошаемые водами Вислы и Немана, они начали заниматься земледелием. Однако сохранялась необходимость бороться с воинственными соседями, поэтому племенные вожди или воеводы собирали вокруг себя определенное число отборных людей, специальным занятием которых было владение оружием. Эти воины были распределены между различными сельскими общинами. Они были освобождены от сельскохозяйственного труда, и вместе с тем получали свою долю продуктов земли наряду с другими членами коммуны. Вначале их положение было не слишком привлекательным, и иногда сельские жители отказывались от освобождения от сельскохозяйственного труда, чтобы избежать участия в войне. Однако постепенно по мере укрепления этого порядка, когда один класс привык к военной деятельности и организации, в то время как другой закалился, работая плугом и лопатой, воины стали знатью и владельцами, а крестьяне, некогда их **сотоварищи и братья** — **вилланами и крепостными**. Шаг за шагом воины-владельцы повышали свои требования увеличить долю, которую они имели как члены общины, до размеров всей продукции общины за вычетом того, что жизненно необходимо для земледельцев; и когда последние пытались бороться с таким насилием, они были силой прикреплены к земле, и все это было характерным проявлением откровенного, явного крепостничества.

В ходе этой эволюции примерно в 1333 г. король Казимир Великий тщетно пытался обуздать высокомерную наглость воинов. Когда крестьяне явились к нему с жалобами на знать, он довольствовался тем, что спросил: нет ли у них палок и камней? Через несколько поколений, в 1537 г. знать заставила всех торговцев в городах продать принадлежащие им имения, и отныне земельная собственность стала прерогативой одной лишь знати. В это же время знать усилила давление на короля, требуя начать переговоры с Римом и установить, что только знатные люди отныне могут в Польше вступать в святыя ордена. Это практически полностью лишало горожан и крестьян права на почетные посты и какой бы то ни было социальной значимости.

Точно такой же процесс мы наблюдаем в России. Здесь воины, входящие в дружину или охрану древнерусских князей (ведущих свою родословную от Рюрика) также имели свою долю от доходов мира (сельских крестьянских общин) как средство существования. Постепенно эта доля увеличивалась. Пока земля была в избытке и работников не хватало, крестьяне часто сами заботились о своей выгоде и переезжали с места на место. Поэтому в конце XVI века царь Борис Годунов разрешил знати прикрепить крестьян к своим землям, закрепив тем самым крепостное право. Однако вооруженные силы в России никогда не формировались исключительно из знати. Мужики (крестьяне) шли воевать как простые солдаты при дружине. Еще в XVI веке Иван Грозный создал стрелецкое войско, которое практически представляло собой постоянную армию, просуществовавшую вплоть до того времени, когда Петр Великий заменил его полками, организованными по западноевропейскому образцу. В этих полках члены старой дружины наряду с иностранцами стали офицерами, в то время как мужики составляли основной контингент рядовых.

У народов, только вступивших в сельскохозяйственную стадию развития и сравнительно цивилизованных, именно класс военных, вне всякого сомнения, является политическим или правящим классом. Иногда владение оружием разрешалось только этому классу, так было в Индии и Польше. Представители класса управляемых при возможности записывались в армию, однако чаще всего как простые солдаты в самые неprestижные подразделения. Так, в Греции во время войны с медийцами граждане, принадлежащие к наиболее состоятельным и влиятельным классам, составляли отборные части (кавалерию и тяжеловооруженных пехотинцев), а менее обеспеченные сражались как пельтасты или метальщики из пращи, в то время как рабы, т.е. массы трудящихся, полностью были отстранены от военной службы. Аналогичную организацию мы

обнаруживаем в республиканском Риме вплоть до пунических войн и даже до времени Мария; в латинской и германской Европе в эпоху средневековья; как только что было показано, в России и у многих других народов. По замечанию Цезаря, в его время становой хребтом галльской армии была кавалерия, состоявшая из представителей знати. Эдуи¹, например, не смогли выстоять против Ариовиста² после того, как цвет их кавалерии был уничтожен в бою.

5. Везде — в России и Польше, в Индии и средневековой Европе — правящие военные классы обладали почти исключительным правом собственности на землю. Земля, как мы уже видели, является основным средством производства и источником благосостояния в тех странах, которые не достигли вершин цивилизации. С прогрессом пропорционально увеличиваются доходы от земли. С ростом населения в определенные периоды рента, в рикардианском смысле этого термина, увеличилась, поскольку появились огромные центры потребления — таковыми во все времена были столицы и другие большие города, как древние, так и современные. В результате, если не препятствовали иные условия, происходили важные социальные изменения. Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели воинская доблесть: правящие скорее богаты, чем храбры.

Основным условием подобной трансформации является то, что социальная организация должна быть упорядочена и усовершенствована до такой степени, чтобы обеспеченная публичной властью защита превосходила защиту с помощью неофициальной силы. Другими словами, частная собственность должна быть так защищена реализуемыми на практике действенными законами, чтобы власть самого собственника стала излишней. Происходит это путем постепенных изменений в социальной структуре, и в результате тип политической организации, который можно назвать «феодалным государством», трансформируется в принципиально другой тип, который можно назвать «бюрократическим государством». Далее нам следует подробнее проанализировать эти типы, но нужно сразу сказать, что данная эволюция, как правило, заметно облегчается прогрессом средств умиротворения и определенных моральных устоев, являющихся достижениями цивилизации.

Как только осуществляется такая трансформация, богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство. В обществе, достигшем определенной степени зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богатые, а быть богатым — значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами.

Есть, безусловно, государства, достигшие высокого уровня цивилизации, основанные теоретически на таких моральных принципах, что, кажется, они препятствуют столь властной претензии со стороны богатства. Есть и множество других случаев, когда теоретические принципы могут лишь очень ограниченно применяться в реальной жизни. В Соединенных Штатах вся власть является прямым или косвенным результатом всеобщих выборов, и во всех штатах существует всеобщее избирательное право для всех мужчин и женщин. Более того, демократия характеризует не только институты, но и влияет в определенной степени на мораль. Богачи чувствуют обычно определенную неприязнь к участию в общественной жизни, а бедняки испытывают неприязнь, выбирая богатых в выборные органы. Но это не мешает богачу быть более влиятельным по сравнению с бедняком, поскольку он может оказывать давление на политиков, контролирующую государственную администрацию. Это не мешает проводить выборы под музыку звенящих долларов и не избавляет всю законодательную власть и значительное число конгрессменов от ощущения влияния мощных корпораций и крупных финансистов.

Так и в Китае еще несколько лет назад, хотя правительством не был принят принцип всеобщих выборов, оно базировалось по существу на уравнительном принципе. Академические степени обеспечивали доступ к государственным учреждениям, а

степени давались на основе экзаменов без какой бы то ни было видимой ссылки на семью и состояние. По свидетельству ряда авторов, только парикмахеры и некоторые категории лодочников и их дети были лишены права претендовать на различные степени чиновников. Но, хотя состоятельный класс в Китае менее многочисленный и не столь богатый по сравнению с богачами в Соединенных Штатах, в настоящее время не было особых затруднений в тщательном распространении этой системы до весьма значительных размеров. Нередко за деньги покупалась не только снисходительность экзаменаторов. Порой само правительство продавало различные академические степени и разрешало несведущим людям, нередко выходцам из низших социальных слоев, занимать посты в государственных учреждениях.

Во всех странах мира все прочие факторы, оказывающие социальное влияние, — личная известность, хорошее образование, специальная подготовка, высокий сан в церковной иерархии, public administration и армия — всегда доступнее богатым, чем бедным. У богатых по сравнению с бедными путь странствий всегда короче, не говоря уже о том, что богатые избавлены от наиболее тернистой и тяжелой части пути.

6. В обществах, где сильна религиозная вера и главы церкви образуют особый класс, всегда возникает церковная аристократия и получает в собственность более или менее значительную часть богатства и политической власти. Яркими примерами такого положения могут служить Древний Египет (в определенные периоды), брахманская Индия и средневековая Европа. Зачастую священники не только выполняют религиозные функции. Они обладают правовым и научным знанием, образуют класс носителей высочайшей интеллектуальной культуры. Сознательно или бессознательно, иерархия священников часто проявляет тенденцию монополизировать обучение и препятствовать распространению методов и процедур, которые облегчают приобретение нового знания. Возможно, именно из-за этой тенденции или отчасти из-за нее мучительно медленно распространялся демотический алфавит в Древнем Египте, хотя он был несомненно проще иероглифического письма. Друиды³ в Галлии были знакомы с греческим алфавитом, но не разрешали записывать их богатую священную литературу, требуя от своих учеников заучивать ее наизусть ценой невероятных усилий. Примером такого рода можно считать употребление мертвых языков, которое мы обнаруживаем в Халдее, Индии, средневековой Европе. Иногда, как в Индии, низы были строго отстранены от постижения знаний священных книг.

Специальные знания и подлинно научная культура, очищенные от всякой духовно-религиозной ауры, становятся важной политической силой только на высокой ступени цивилизации, и тогда доступ в правящий класс получают лишь те, кто владеет этими знаниями. Но и в этом случае не столько знание само по себе обладает политической ценностью, сколько его практическое применение на благо власти и государства. Иногда все, что требуется — это простое овладение механическими процессами, нужными для достижения более высокой культуры. Это может быть связано с тем, что на такой основе легче выявить и проверить то умение, которого может добиться кандидат, и тогда «оценить» его и отнести к определенному разряду. Так, в некоторые периоды в истории Древнего Египта профессия писца открывала дорогу в государственное учреждение и вела к власти, возможно, потому, что для обладания навыками письма иероглифами надо было долго и упорно трудиться. Также и в современном Китае изучение бесчисленных иероглифов составляет основу обучения чиновника. В современной Европе и Америке класс, который применяет достижения науки в военном деле, public administration в социальной работе и общественной санитарии, занимает, с социальной и политической точек зрения, наиболее важное положение. В западном мире так же, как и в Древнем Риме, в целом в привилегированном положении находятся юристы. Они знают сложное законодательство всех народов в истории цивилизации, и их деятельность становится особенно значимой, если знание закона сочетается со своего рода красноречием, которое может быть по вкусу современникам.

Существует множество примеров того, как продолжительное руководство военной

организацией и гражданским обществом породило и развило у значительной части правящего класса реальное искусство управления, которое лучше грубого практицизма или чего-либо другого, порожденного индивидуальным опытом. В таких условиях возникают аристократии функционеров, подобно римскому сенату, венецианским нобилям и в определенной степени английской аристократии. Все эти объединения вызвали восхищение Джона Стюарта Милля и, несомненно, все три создали правительства, отличавшиеся хорошо продуманной политикой, большой устойчивостью и дальновидностью. Данное искусство управления — это не политическая наука, хотя время от времени и использует некоторые ее постулаты. Однако даже если сейчас искусство управления престижно для определенных классов, долго выполнявших политические функции, оно не служило никогда общепринятым критерием привлечения на государственную службу людей, далеких от нее по своему социальному положению. Более того, степень овладения индивидом искусством управления определить, кроме исключительных случаев, весьма сложно, если индивид не проявляет его на практике.

7. В некоторых странах мы находим наследственные привилегированные касты. В таких случаях правящий класс явно ограничен числом семейств, и рождение является единственным критерием, определяющим принадлежность к нему. Примеров тому чрезвычайно много. Нет практически страны с продолжительной историей, в которой не было бы в то или иное время наследственной аристократии. Мы обнаруживаем ее в определенные периоды в Китае и Древнем Египте, в Индии, Греции до войны с медийцами, в Древнем Риме, у славянских народов, у латинян и германцев в эпоху средневековья, в Мексике в период открытия Америки и в Японии еще несколько лет назад.

В этой связи два предварительных замечания по рассматриваемому вопросу. Во-первых, все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют обычно силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте и в том же состоянии. Богатство и военная доблесть без труда поддерживаются в определенных семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста — привычка к нему, в определенной степени способность занимать его вместе с вытекающими последствиями — все это гораздо проще достигается тем, кто привычен к этому с детства. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые способности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называют преимуществом *positions déjà prises*⁴. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу, помогают не двигаться наощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки.

Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может, на первый взгляд, находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятьев настоящих и бывших членов парламента и депутатов.

Во-вторых, когда мы анализируем наследственную знать, утвердившуюся в стране и монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу *de jure* предшествует статус *de facto*. До провозглашения их исключительного и наследственного права на власть семьи или касты, о которых идет речь, должны твердой рукой взять руль управления, полностью монополизировав все политиче-

ские силы своей страны в данный период. В противном случае такая претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу.

Наследственная аристократия нередко начинает хвастаться божественным происхождением или, по крайней мере, происхождением, отличающимся и превосходящим происхождение управляемых классов. Такие претензии объясняют весьма научным социальным фактом, а именно тем, что всякий правящий класс стремится оправдать свое подлинное осуществление власти, опираясь на какой-либо всеобщий моральный принцип. Такого рода претензия выдвигается в настоящее время. Некоторые авторы, используя и развивая дарвиновскую теорию, утверждают, что высшие классы олицетворяют верхний уровень социальной эволюции и по сему превосходят по своей органической природе низшие. Мы уже цитировали Гупловича. Этот автор подводит к утверждению, что разделение населения на торговые группы и группы профессионалов в современных цивилизованных странах основаны на этнологической гетерогенности.

В настоящее время история со всей определенностью свидетельствует об особых способностях и об особых пороках (причем и те, и другие весьма заметны), проявляющихся в закрытых или почти закрытых для проникновения извне аристократиях. Древнеримский патрициат, английская и немецкая знать нашего времени могут служить готовым примером. Однако, используя этот факт или теории, стремящиеся преувеличить его значение, можно всегда возразить, сказав, что индивиды, принадлежащие к этим аристократиям, обладают особыми качествами не только из-за крови, которая течет в их венах, сколько в силу такого воспитания, которое развивает в них вполне определенные интеллектуальные и нравственные качества.

Из всех факторов, учитывающихся при рассмотрении социального превосходства, превосходство в интеллекте менее всего связано с наследственностью. Дети людей, отличающихся высоким интеллектом, зачастую обладают посредственными способностями. Именно поэтому наследственные аристократии никогда не защищают свое правление на основе только интеллектуального превосходства, но чаще ссылаются на свое превосходство характера и богатства.

Опровергая данное заявление, утверждают, что образование и окружение позволяют объяснить лишь превосходство умственных способностей, а не различия душевного склада — силу воли, смелость, гордость, активность. Истина заключается в том, что социальное положение, семейные традиции, привычки того класса, в котором мы живем, в большей степени, нежели полагают, влияют на степень развития упомянутых выше качеств. Внимательно присмотревшись к индивидам, которые к лучшему или худшему изменили свой социальный статус и, следовательно, находятся в непривычном для них окружении, мы увидим, что их умственные способности меньше подвержены влиянию по сравнению с моральными качествами. Приобретя широкий кругозор, который дает индивиду образование, если он только не совсем туи, каждый индивид, останется ли он простым служащим или станет министром, будет в чине сержанта или дослужится до генеральского звания, будет министром или нищим, неизменно тем не менее останется на том уровне умственных способностей, который дала ему природа. И все же с изменением социального статуса и благополучия гордый нередко становится раболепным, раболепие сменяется самонадеянностью, честный по натуре человек приучается лгать или, по крайней мере, притворяться под давлением необходимости, в то время как имеющий укоренившуюся привычку лгать и блефовать, изменяется или, по крайней мере, создает видимость честности и покладистости характера. Конечно, верно, что человек, утративший состояние, зачастую приобретает черты покорности, самоотречения и изобретательности, в то время как поднимающийся вверх обретает чувство справедливости и честности. Короче говоря, меняется человек к лучшему или худшему, он должен быть исключительно хладнокровным, чтобы значительно изменить свой социальный статус и в то же время не претерпеть изменений в своем характере. По мнению Мирабо, во всяком человеке любое значи-

тельное перемещение по социальной лестнице вызывает кризис, который залечивает все его раны и порождает новые.

Смелость в бою, запальчивость в наступлении, стойкость сопротивления — все это качества, которые постоянно превозносились как отличительные свойства высших классов. В этом отношении между индивидами могут быть заметные и, если так можно выразиться, врожденные различия, но в еще большей степени высокое, низкое или среднее положение в любой значительной социальной группе людям обеспечивают традиции и влияние окружающей среды. Мы обычно индифферентны к опасности или, лучше сказать, к определенному виду опасности, если окружающие говорят о ней безразлично, оставаясь хладнокровными и невозмутимыми. Многие альпинисты и моряки по природе своей люди неуверенные, и в то же время они смело идут навстречу опасности — одни на краю пропасти, другие — во время шторма в море. Таким же образом привыкшие к борьбе народы и классы сохраняют на самом высоком уровне воинскую доблесть.

Также верно и то, что не привыкшие к оружию народы и классы обретают воинское мужество, если их представители становятся членами организаций, в которых традиционно культивируются доблесть и отвага, в том случае, если они, выражаясь метафорически, ввергаются в суровые испытания, формирующие в них с неизбежностью определенные свойства. Мухаммед II набирал своих внушающих ужас янычар в основном из мальчиков, взятых в плен у вырождающихся византийских греков. Всеми презираемый египетский феллах, отвыкший за многие столетия от войны, смиренный и беззащитный под плетью угнетателя, превращался, определенный Мухаммедом Али⁵ в турецкий или албанский полк, в хорошего солдата. Французское дворянство всегда отличалось большой доблестью, но этим качеством в той же степени вряд ли обладала к концу XVIII века французская буржуазия. Однако борьба между республиканцами и сторонниками империи ясно показала, что в проявлении поразительной смелости природа была удивительно щедра по отношению ко всем жителям Франции. И пролетариат, и буржуазия дали хороших солдат, более того, прекрасных офицеров, хотя способность к командованию всегда считалась исключительно прерогативой дворянства. Теория Гумпловича, согласно которой дифференциация в социальных классах в большой степени зависит от этнологических приоритетов, по крайней мере нуждается в доказательстве. Всякому легко придет на ум множество примеров противоположного толка, и среди прочих тот неоспоримый факт, что часто ветви одной семьи принадлежат к совершенно разным социальным классам.

8. Наконец, если мы будем придерживаться мнения тех, кто защищает идею исключительной роли наследственности в формировании правящего класса, то следовало бы прийти к заключению, которое выводится из принципа эволюции. Политическая история человечества была бы гораздо проще, чем на самом деле. Если правящий класс действительно принадлежит к другой породе или если качества, обеспечивающие его доминирование, являются прежде всего врожденными, тогда трудно понять, как, уже сформировавшись, он должен прийти в упадок и утратить свою власть. Отличительные свойства рода чрезвычайно устойчивы. Согласно эволюционной теории, приобретенные родителями качества в их детях становятся врожденными и по мере смены поколений постепенно оттачиваются. Тогда потомки правителей должны бы все более приспосабливаться к управлению, а на долю других классов выпадало бы мало шансов бросить им вызов или попытаться их выжить. Однако сейчас есть множество самых избитых примеров, убеждающих всякого в том, что события развиваются отнюдь не в данном направлении.

Мы уже наблюдаем, что с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость

знания, находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Кто-то действительно может сказать, что вся история цивилизованного человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые; и этот конфликт порождает бесконечные процессы эндосмоса⁶ и экзосмоса⁷ между высшими классами и определенной частью низших. Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость. Так, римская аристократия сошла на нет, когда перестала быть единственным источником пополнения числа офицеров высокого ранга, должностных лиц сообщества, губернаторов провинций. Именно так венецианская знать пришла в упадок, когда ее представители перестали командовать галерами и проводить в море большую часть жизни, торгуя и воюя.

В неорганической природе есть пример такого же рода, когда стремление к неподвижности, порожденное силой инерции, постоянно находится в конфликте со стремлением к перемене, и все это — результат неравномерного распределения тепла. Каждая из этих тенденций время от времени превалирует в разных регионах нашей планеты, вызывая — одна — затишье, другая — ветер и шторм. Подобно этому в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых, кристаллизованных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению.

Восточные общества, которые мы считаем устойчивыми, в действительности не всегда являются таковыми, иначе, как уже отмечалось, они не могли бы достичь вершин цивилизации, чему есть неопровержимые свидетельства. Точнее будет сказать, что мы узнали о них в то время, когда их политические силы и политические классы находились в состоянии кристаллизации. То же самое происходит в обществах, которые мы обычно называем «стареющими», где религиозные убеждения, научные знания, способы производства и распределения благ столетиями не претерпевали радикальных изменений и в ходе их повседневного развития не испытывали проникновения инородных элементов, материальных или интеллектуальных. В таких обществах все те же политические силы и обладающий ими класс имеет и неоспоримую власть. Власть, таким образом, удерживается в определенных семьях, и склонность к постоянному становится характерной чертой для всех слоев данного общества.

Так, мы видим, что в Индии кастовая система укоренилась после подавления буддизма. Греки обнаружили наследственные касты в Древнем Египте, но нам известно, что в периоды расцвета и величия египетской цивилизации политическая власть и социальный статус не носили наследственный характер. В нашем распоряжении египетский документ, который повествует о жизни военного высокого ранга, жившего в период изгнания гиксосов⁸. Он начал свою карьеру простым солдатом. Другие документы свидетельствуют о случаях, когда один и тот же человек преуспевал на военной службе, public administration и в церковной иерархии.

Самый известный и, возможно, наиболее впечатляющий пример общества, склонного к кристаллизации, — это общество того периода римской истории, который принято называть ранней империей. Тогда после нескольких столетий почти полной социальной неподвижности все отчетливее стало просматриваться выделение двух классов — класса крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга и класса рабов, земледельцев и городского плебса. Особенно впечатляет то, что государственная служба и социальное положение стали наследственными по обычаю раньше, чем по закону, и эта тенденция в указанный период распространилась очень быстро.

В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую бедность и новое богат-

ство, способствуют распространению преимущественно неизвестного ранее знания и проникновению новых моральных, интеллектуальных и религиозных идей. И опять, в результате такого проникновения или вследствие процесса постепенного внутреннего развития, или же в силу обеих причин, может появиться новое знание, или в чести вновь окажутся определенные элементы старого, давно забытого знания, так, что новые идеи и убеждения выдвинутся вперед и опрокинут укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. Правящий класс также может быть полностью или частично побежден и уничтожен иностранным вторжением или, когда возникают упомянутые выше обстоятельства, может быть лишен власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда, естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарные, энергичные, бесстрашные или просто самые практичные, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх.

Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали «ни с чего» и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех пор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности. Вряд ли есть необходимость приводить примеры наций, испытывавшие такие периоды обновления. В наши дни их множество. Быстрое пополнение правящих классов — поразительное и частое явление не только в колонизованных странах. Когда общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост. Овладение землей и другими средствами производства не совсем невозможно, но во всяком случае труднее, чем где бы то ни было. Именно поэтому греческие колонии, по крайней мере в определенный период, были большим полигоном реализации устремлений и предприимчивости греков. Поэтому именно в Соединенных Штатах, где освоение новых земель продолжалось на протяжении всего XIX века и постоянно создавались новые отрасли промышленности, немало примеров людей, которые начинали «с нуля» и добивались известности и состояния, и все это питает в жителях данной страны иллюзию, что демократия реально существует.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, кто принадлежит к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они* все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания власти качества и способности. Далее появляется и носящая консервативный характер сила — сила привычки. Многие люди смиряются со своим низким положением, в то время как члены определенных привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление.

Несомненно, филантроп впадет в искушение выяснить, когда же человечество счастливее или несчастнее — в периоды социальной стабильности и кристаллизации, когда практически каждому предопределено остаться в том социальном положении, к которому он принадлежал по рождению, или в совершенно другие периоды обновления и революции, позволяющие всем жаждать более высокого положения, а кому-то и добиваться его. Такое исследование было бы нелегким. Потребовалось бы учесть множество оговорок, исключений, да и сам исследователь, вероятно, был бы не свободен от личных пристрастий. Поэтому не рискуем дать собственный ответ. А кроме того, если и можно сделать бесспорное заключение, оно все равно не имело бы особого практического применения; печально, но свободный выбор индивидов, который философы и теологи называют свободой воли, не имел и вряд ли будет иметь какое-либо значение для ускорения процесса завершения или возникновения одного из рассмотренных нами исторических периодов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Эдуи — кельтское племя на территории Галлии.
- Ариовист (I век до н.э.) — вождь германского племени свевов, пытавшийся закрепиться на территории Галлии. Около 61 г. до н.э. одержал победу над эдуями, но позднее был разбит Цезарем.
- Друиды — жрецы у древних кельтов Галлии, Британии и Ирландии. Они выполняли и судебные функции.
- Уже занятого положения.
- ⁵ Мухаммед (Мехмет) Али (1769—1849) — правитель Египта в 1805—1849 гг.
- ⁶ Эндосмос — процесс просачивания жидкостей и некоторых растворенных веществ из внешней среды внутрь клетки.
- ⁷ Экзосмос — процесс просачивания жидкостей и некоторых растворенных веществ из клетки во внешнюю среду (противоположен эндосмосу).
- ⁸ Гиксосы — кочевые азиатские племена, около 1700 г. до н.э. захватившие Египет. Обосновавшись в Дельте, построили там свою столицу Аварис. В начале XVI века до н.э. их господство было уничтожено египтянами.

Перевод с английского Т.Н. САМСОНОВОЙ